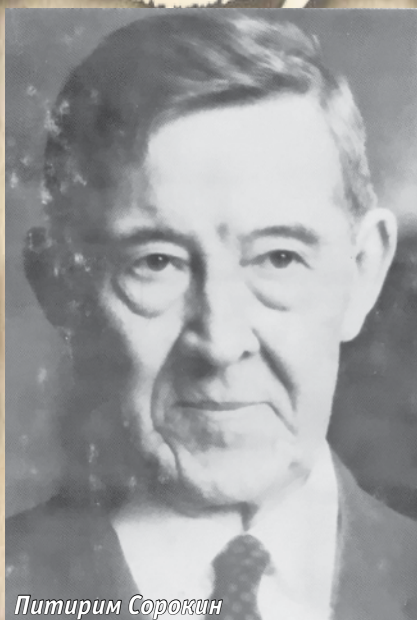

Горокин и Кондратьев — два переплетенных пути

Питирим Сорокин

Николай Кондратьев

После XX съезда КПСС начался процесс возвращения обществу имен и трудов тех, кто был отторгнут большевизмом, ГУЛАГом или вынужденной эмиграцией от родины, во имя которой они работали.

В эти годы Е.Д. Кондратьева начала бороться за восстановление имени мужа. Евгения Давыдовна, оставшаяся на свободе и пронесшая сквозь все годы террора полученные ею из тюрьмы рукописи и письма, пережила мужа почти на полвека, но так и не дождалась полной реабилитации. Ей удалось добиться только одной, второй из двух, реабилитации по приговору 1938 г. При Н.С. Хрущеве Прокуратура СССР в ответе на письмо вдовы Генеральному прокурору Р.А. Руденко настаивала на доказанности виновности Н.Д. Кондратьева по приговору 1931 г.

Добиться полной реабилитации

по судимости 1931 г. удалось лишь в 1987 г., когда Е.Д. Кондратьевой уже не было в живых, а Е.Н. Кондратьевой исполнилось 62 года. Но сегодня ясно, что мы не смогли бы во всей полноте узнать человеческий и научный облик Кондратьева, если бы не самоотверженность жены и дочери, которые в тяжелые для всех годы берегли и сберегли, особенно в условиях эвакуации, все то, что сохранилось в семье и было получено из тюрьмы: рукописи, сказку, романс, письма. Лишь спустя 50 лет после смерти, в 1988 г., в СССР вышли вновь научные публикации Кондратьева.

Параллельно с юридической реабилитацией осужденных в стране шел процесс гражданской реабилитации, восстановления доброго имени эмигрантов, тех, кто добровольно или по принуждению покинул родину. Лишь спустя 70 лет после высылки, в 1992 г., в России вышла первая научная книга Сорокина.

Ученые и издатели, фонды и центры, научные и общественные организации имени Питирима Сорокина и Николая Кондратьева объединенными силами вслед за возвращением добрых имен Кондратьева и Сорокина реабилитируют их научное и культурное наследие, издавая и комментируя их. Сегодня началась третья реабилитация Кондратьева.

В статье о книге Н.Д. Кондратьева «Проблемы экономической динамики» в 1989 г. была впервые опубликована фотография [1]. На ней запечатлена последняя встреча двух друживших с юности русских ученых,

чья деятельность получила и международный резонанс, и международное признание. Первый — Питирим Александрович Сорокин (1889–1968), российско-американский социолог и культуролог, один из основоположников тео-

рий социальной стратификации и социальной мобильности. Русский социолог, выдворенный из страны вместе с другими выдающимися деятелями отечественной науки и культуры в результате большевистской акции, вошедшей в историю под названием «философский пароход», с 1923 г. работавший в США, один из наиболее влиятельных ученых мира, чьи труды по социологии культуры и науки стимулировали разви-

Агеев Александр Иванович — директор Международного института Питирима Сорокина — Николая Кондратьева, генеральный директор Института экономических стратегий, доктор экономических наук, профессор, академик РАЕН.

Мясоедов Борис Алексеевич — директор издательства «Русская энциклопедия», кандидат экономических наук.

тие гуманитарных наук. Второй — Николай Дмитриевич Кондратьев (1892–1938), русский и советский экономист, основоположник теории экономических циклов, автор «пятилетки Кондратьева». Н.Д. Кондратьев по просьбе В.В. Осинского руководство страны вычеркнуло из списка высылаемых на «пароходе». Профессор политэкономии, директор известного в 1920-е годы в СССР и на Западе Конъюнктурного института, член Американской академии социальных наук, Американской экономической ассоциации, Американской ассоциации по вопросам сельско-

**Н.Д. Кондратьев с женой
Евгенией Давыдовной
и супруги П.А. и Е.Д. Сорокины.
США, 1924 г.
Фотография из семейного архива
дочери ученого, академика РАН
Е.Н. Кондратьевой**

хозяйственной экономики, Американского экономического общества, Лондонского статистического общества. Ученый, чьи труды печатались в Англии, Германии, Франции, Америке. О нем при его жизни писали видные зарубежные экономисты: профессора Андерсон, Кузнец, Митчел, Уордвел, Фишер и др. Осужденный в связи с делом мнимой Трудовой крестьянской партии вместе с А.В. Чаяновым и другими, он последние восемь лет жизни провел в политизоляторе Суздальской тюрьмы и был расстрелян.

Сорокин и Кондратьев своими деяниями и трудами показали, сколь чужды народам тоталитарные режимы, чудовищно притесняющие личность. Они вскрыли пересечения гуманности и тоталитаризма, стали родоначальниками нового понимания социальных наук и предвидения путей их развития в XX–XXI вв. Научные ценности, которыми Сорокин и Кондратьев обогатили гуманитарные науки, — самый сильный заряд науки в тоталитарные системы власти. Сорокин и Кондратьев своими научными взглядами сумели повлиять

на изменение взглядов общества. Они зовут к неустанному поиску истины, справедливости и счастья: «Там за далью моря темной ждет их дивная страна» [2].

Жизненные пути Николая Кондратьева и Питирима Сорокина пересекались неоднократно: они были друзьями, единомышленниками и соратниками в борьбе за знания и в политической борьбе, в науке и творчестве, в оппозиции царизму и большевизму.

Питирим Александрович Сорокин родился в крестьянской семье 23 января 1889 г. в селе Турья Яренского уезда Вологодской области. Питиримом его окрестили в честь одного из местных святых, четвертого епископа Великопермского Питирима, который жил в XV в., содействовал обращению в христианство многих вогул, за что и был убит в 1455 г. их вождем Асыком. Праздник Питирима Великопермского по церковному календарю приходится на 29 января/11 февраля.

Николай Дмитриевич Кондратьев родился 4 марта 1892 г. в многодет-

ной крестьянской семье в деревне Галуевская Кинешемского уезда Костромской губернии. Близкий к его дате рождения Николай Салос — блаженный, псковский юродивый, с куском сырого мяса встретил Ивана Грозного, обливая его в кровожадности, и предсказал царю несчастье. Устрашившись, царь тогда покинул Псков. Память святого Николая приходится на 28 февраля/13 марта.

Интересно, что святыми — покровителями будущих ученых оказались поборники справедливости, готовые ради нее жертвовать благополучием и жизнью.

Оба будущих ученых происходили из крестьянского сословия, которое выводило своих лучших сыновей и дочерей в большую науку и культуру. Стоит вспомнить хотя бы крестьянских поэтов Есенина, Клычкова, Клюева.

И Сорокин, и Кондратьев непостоянными путями шли в науку. В 1899–1900 гг. Сорокин с отцом и братом бродяжничал в качестве реставратора церквей по северным селам. В 1899 г. братья ушли от отца

и стали самостоятельно заниматься этим ремеслом, в котором добились успеха. Весной 1901 г. Сорокин окончил одногодичную церковно-приходскую школу в селе Палевицы. В 1901–1904 гг. учился в двухклассной церковно-приходской школе в селе Гам. Закончив школу с отличием, Сорокин по рекомендации школы в 1904 г. поступает в Хреновскую церковно-учительскую семинарию.

По семейным преданиям, знакомство Сорокина и Кондратьева состоялось в семинарии, там началась их многолетняя дружба. Как в свое время Герцен и Огарев, семинаристы Сорокин и Кондратьев сделали жизненный выбор в пользу учения, взаимопомощи и активного жизненного пути.

В семинарии новое окружение, новые знакомства, но главным образом интенсивное чтение доселе неизвестных книг, журналов и газет расширили и углубили кругозор друзей. Их самоопределение ускорили Русско-японская война и революция 1905 г. Крестьяне по происхождению, они, хорошо зная проблемы своего сословия, выбрали путь борьбы за его интересы. Сорокин и Кондратьев становятся эсерами. Они вступают в партию эсеров в 1905 г. Почему именно партия эсеров? Друзья выбирают эту партию, потому что

она ведет работу преимущественно в крестьянских массах. Двух совсем молодых, но своеобразных учеников сельской школы царские власти начинают притеснять уже тогда.

В 1906 г., в 16 лет, год спустя после вступления в партию эсеров, Кондратьев становится членом Кинешемского комитета и входит в забастовочный комитет текстильщиков. В декабре, на Рождество 1906 г., друзей исключают из семинарии, арестовывают за революционную деятельность и сажают в тюрьму в Кинешме. Пройдя тюремные «университеты», освобожденный в 1907 г. Сорокин продолжал революционную работу как агитатор в поволжских городах и селах. Но в какой-то момент он осознал, что политика препятствует образованию и отправился в Петербург. Кондратьеву после первого заключения пришлось уехать из родных мест. Он пробует продолжить образование в училище земледелия и садоводства в Умани, одновременно работая помощником садовника.

Сорокину и Кондратьеву все-таки удалось окончить Хреновскую церковно-учительскую семинарию. Кондратьев сделал это на несколько лет позже, чем Сорокин. Сорокин прилагает усилия, чтобы получить высшее образование и первым отправляется в 1907 г. в Санкт-Петербург. В столице ему достаточно быстро удается найти работу репетитора. Значительно расширяется круг его знакомств. В 1907–1909 гг. Сорокин учится на Черняевских курсах в Петербурге. Лето 1908 и 1909 гг. в качестве статистика он участвует в работе экспедиции П.И. Соколова по изучению Печорского края. В мае-июне 1909 г. сдает экстерном экзамены на аттестат зрелости в Великоустюжской мужской гимназии (Великий Устюг). В 1909 г. Сорокин

поступает в частный Психоневрологический институт В.М. Бехтерева. Летом 1910 г. работает в научной экспедиции в Коми по сбору фольклорного, этнографического и социально-экономического материала (Мезень, Вашка).

Еще до поступления в университет у Сорокина появляется первая научная публикация в «Известиях Архангельского общества изучения Русского Севера» [3]. 4 августа 1910 г. Сорокина принимают в число студентов юридического факультета Петербургского университета. Будучи студентом 1-го курса, он стал секретарем социолога, профессора университета М.М. Ковалевского.

В 1908 г. вслед за Сорокиным устремляется в Петербург Кондратьев. В столице друзья почти десять лет живут в одной комнатенке. С 1908 г. Кондратьев учится на образовательных курсах А.С. Черняева, сыгравших важную роль не только в его подготовке к поступлению в университет, но и в его духовном и нравственном развитии в целом. В 1909 г. Кондратьев поступает в Психоневрологический институт. Как и Сорокин, успешно сдает экзамены за гимназический курс на аттестат зрелости (экстерном) в 1-й Костромской гимназии и в 1911 г. переводится вслед за Питиримом Сорокиным на юридический факультет Петербургского университета. Это был переломный момент и в творческом пути Кондратьева. Во время обучения и после окончания университета Кондратьев вел активную научную и литературную деятельность. Он участвовал в работе научных кружков Л.И. Петражицкого и М.И. Туган-Барановского, сотрудничал с журналами «Заветы», «Вестник Европы», «Жизнь для всех», выступал с популярными лекциями. В начале второго десятилетия XX в. Сорокин и Кондратьев учатся на юридическом факультете Петербургского университета.

Петербургский университет того времени, один из крупнейших

Николай Кондратьев и Питирим Сорокин в Хреново

Питирим Сорокин и Николай Кондратьев в Хреновской семинарии. Фото начала XX в.

Центром событий стал Петербургский университет. С 8 по 13 ноября 1910 г. каждый день здесь собирались сходки. Газета «Биржевые ведомости» 10 ноября пишет, что Васильевский остров столицы выглядит «городком на военном положении. Везде городовые, пешие и конные, с ружьями и без оных, и жандармы... огромный наряд полиции усиливается все новыми и новыми подкреплениями». В эти

**Императорский
Санкт-Петербургский
университет. Начало XX в.**

в мире, был центром научной мысли России. Учителями Сорокина и Кондратьева стали социолог М.М. Ковалевский, у которого они были личными секретарями, экономист М.И. Туган-Барановский, историк А.С. Лаппо-Данилевский, психолог Л.И. Петражицкий, историк и экономист В.В. Святловский и многие другие.

Петербургский университет в 1910-х годах сосредоточил в своих стенах представителей либерально-революционных идей в России. Особой формой их деятельности были студенческие сходки — общие собрания студентов университета. Они представляли собой специфический институт, сравнимый с народным собранием. За достаточно длительное время их существования сходки приобрели некоторые ритуальные особенности: отсутствие жесткого регламента, постоянный шум и дискуссия всех со всеми, открытый характер голосования (как правило!) по принципу «один человек — один голос». Сходка могла быть и курсовой, и общеуниверситетской. Первокурсники со священным трепетом являлись на первую в их жизни сходку — незабываемый момент вступления в общественно-политическую жизнь корпорации. На сходках могли происходить потасовки и горячие дискуссии между противоборствующими студенческими фракциями, но доминировал дух солидарности и гордости

за принадлежность к сообществу. Сходка была внешним проявлением самого факта существования социальной корпорации и утверждала прямую демократию со всеми ее атрибутами в качестве базового принципа студенческой жизни. Ярко проявили себя сходки в событиях, связанных со смертью Льва Толстого.

Уход из дома и смерть Толстого в конце 1910 г. потрясли многих в России. Болезненно остро переживала эти драматические события большая часть студенчества, намечались и кое-где происходили студенческие беспорядки. Отлучение Толстого от официальной церкви открыто ставилось в упрек правящему режиму. Студенческие волнения в конце 1910 г. напомнили о времени революционного подъема в России. О масштабе студенческой забастовки, ставшей откликом на смерть великого писателя, можно судить по репрессивным мерам правительства: арест 5415 студентов, из которых 3394 были высланы.

Студент 1-го курса Петербургского университета Сорокин, имевший опыт революционной работы в семинарские годы, прошедший тюремное заключение, становится одним из руководителей толстовских событий. П.Д. Кондратьев в это время учился на Черняевских курсах. Пока нет сведений об участии Кондратьева в толстовских событиях.

дни демонстрация на Невском проспекте столицы собрала, по сведениям «Русских ведомостей», не менее 10 тыс. человек.

Вот как описывает «толстовские дни» в своих воспоминаниях Н.П. Анциферов: «Но всем казалось, что нельзя, пропев „вечную память“ Толстому, без дела разойтись по домам. Перед университетом — толпа студентов... Кто-то лезет на фонарь. Он кричит, но слов его не слышно. „Тише, товарищи, это Мясоедов!“ Наступила тишина. „Товарищи, лучший памятник Толстому — отмена смертной казни. Вот наш лозунг. Идемте с этим лозунгом к Синоду и к Сенату. Это были враги Толстого“... Сходка собралась многолюдная и прошла с большим подъемом. Открыл ее никому не известный товарищ Борис, произнесший ярко революционную речь. Мне запомнилась фраза: „По обоим берегам Невы противостоят друг другу два здания — университет и Зимний дворец. Между ними должна длиться смертельная борьба. В этой борьбе погибнет Николай Кровавый!“ [4]. Близкие друзья, земляки и знакомые Сорокина П.Н. Зепалов и Г.П. Судейкин приняли активное участие в «толстовских днях». Зепалов в 1910 г., как и Сорокин, сдал экзамены на аттестат зрелости в Великоустюжской гимназии и поступил на юридический факультет. За участие в «толстовских днях» он был исключен из универ-

рокин написал несколько статей о философских взглядах Толстого и позднее объединил их в отдельную брошюру. Учение Толстого повлияло на формирование взглядов Сорокина, для которого Толстой на протяжении всей жизни оставался духовным наставником и нравственным примером.

Сорокин и Кондратьев вели в университете активную научную деятельность. В отчете о работе кружка политэкономии за 1912 г. С.И. Солнцев назвал Кондратьева

**Похороны Л.Н. Толстого.
9 ноября 1910 г.**

ситета. И не он один. По распоряжению министра просвещения Л.А. Кассо десятки студентов были отчислены из университета, многие из них, в том числе М.Н. Мясоедов и Ф.И. Седенко, были арестованы и отправлены в «Кресты». Сорокину удалось избежать ареста. Копии резолюций, которые были отобраны при обыске у председателя сходки студента М. Мясоедова и приобщены к его делу в качестве вещественных доказательств, характеризуют толстовскую сходку [5].

Число студентов, участвовавших в этой сходке, составляло до 5 тыс. человек. Кроме Кореня, Карла, Мясоедова и Шацкого на сходке выступали ораторами студенты Виктор Аполлонов, Николай Ребровский, Героним Гиллер и Мануйлов.

7 декабря 1910 г. петербургский градоначальник официально уведомил ректора о запрете противоправительственных сходок в учебных заведениях. Тогда же начались репрессии: с 8 декабря 1910 г. по 11 февраля 1911 г. было исключено 459 студентов [6]. Аресты членов Коалиционного комитета Петербургского университета (10 человек) были проведены с 17 по 25 января 1911 г., а полный его состав был арестован в ночь на 8 марта [7]. Многие исследова-

тели советского периода пишут о ведущей роли большевиков в толстовских событиях. Сегодня, после 100-летия со дня смерти Л.Н. Толстого, начинает проясняться истинное положение дел. В этом контексте важна информация о роли Сорокина, одного из истинных организаторов этих событий.

В январе 1911 г. жандармы пришли за Питиримом. Ему, однако, удалось избежать встречи с ними и уехать в Подолье, а затем по подложному паспорту за границу. В Швейцарии, Италии и Австрии он знакомится с только что вышедшей «Социологией» Г. Зиммеля. Весной 1911 г. возвращается в Петербург. Столичное отделение департамента полиции вело за ним скрытое наблюдение. 7 сентября 1911 г. в Психоневрологическом институте на торжественном чествовании памяти Л.Н. Толстого Сорокин произнес речь, которую опубликовал в «Вестнике психологии, криминальной антропологии и гипнотизма» в виде статьи под названием «Л.Н. Толстой как философ». Статья была замечена, ее высоко оценило московское книгоиздательство «Посредник», во главе которого стоял ученик и друг Льва Толстого И.И. Горбунов-Посадов, который предложил Сорокину издать работу. Будучи студентом, Со-

и Сорокина в числе восьми наиболее активных студентов. 26 января 1913 г. был заслушан доклад Кондратьева «Социологическая концепция марксизма». Речь шла об объекте изучения социологии и определении науки, о теории факторов, о роли личности в истории и теории классов, о теории прогресса, об идеологии, об отношении марксизма к телеологии. Доклад обсуждался в феврале и марте на трех заседаниях кружка.

В студенческие годы Сорокин публикует более десятка серьезных научных работ, не считая рецензий, рефератов и обзоров, публикаций в зарубежной периодике. В это время он сотрудничает с журналами «Вестник психологии», «Вестник знания», «Запросы жизни», «Заветы», «Новые идеи в социологии».

Осенью 1913 г. Сорокин сочиняет философскую сказку «Грани жизни» с посвящением «О.Г.Е.» и цикл стихотворений. Стихотворение «Песни мои» посвящает Н.Д. Кондратьеву. Спустя 20 лет Кондратьев, находясь в суздальском политизоляторе, словно вспоминая Сорокина, сочиняет стихи-романс «Наша встреча была не случайной» для жены и сказку в стихах «Необычайные приключения Шамми» для дочери.

Сорокин в 1914 г. публикует монографическую работу «Преступление и кара, подвиг и награда», которая была отмечена положительными рецензиями ученых.

Кондратьев в 1915 г. публикует первую монографию «Развитие хозяйства Кинешемского земства Костромской губернии: социально-экономический и финансовый очерк» (446 стр.), получившую благожелательные рецензии.

После окончания университета Кондратьев оставлен для подготовки к профессорскому званию при кафедре политической экономии и статистики.

В январе 1916 г. Сорокин — приват-доцент Петроградского университета по кафедре уголовного права и в этом же году он становится профессором Психоневрологического института. В 1916–1918 гг. Кондратьев и Сорокин трудятся в Социологическом обществе имени М.М. Ковалевского. В списке членов этого общества вместе с В.М. Бехтеревым, В.И. Вернадским, И.П. Павловым, М.И. Туган-Барановским, Е.В. Тарле, А.А. Чупровым под порядковым номе-

ром 24 — Кондратьев, под номером 53 — Сорокин, под номером 57 — Тахтарев. Под списком Кондратьев расписался «за секретаря группы учредителей».

Львиная доля времени у друзей уходила на научную деятельность, но они находили время и для активной политической деятельности. Для петербургской охранки Сорокин и Кондратьев продолжали оставаться активистами партии социалистов-революционеров; числились среди неблагонадежных, находились под негласным наблюдением. Сорокин попал в тюрьму за антимонарший памфлет, написанный к 300-летию дома Романовых. Оба в дни празднования 300-летия дома Романовых месяц провели под следствием, в тюрьме.

В университете П.А. Сорокин не потерял интереса к политике. Через своих друзей и учителей Ковалевского (либерал) и Петражицкого (кадет) он вошел в круг оппозиционной политической элиты Петербурга, через Д.Я. Попова начал тесно сотрудничать с думской фракцией эсеров и с трудовиком А.Ф. Керенским. Дружили Сорокин и Кондратьев и с большевиками, со своими однокашниками по юридическому факультету А. Караханом и Г. Пятаковым.

Революционные события февраля втягивают Сорокина и Кондратьева в водоворот политической деятельности. И здесь отметим важный момент, отражающий их внутреннюю близость. Оба — эсеры, лидеры правого крыла партии — стали секретарями у А.Ф. Керенского: Сорокин — по делам науки, Кондратьев — по делам сельского хозяйства. С первых дней революции события следуют одно за другим: Сорокин, делегат первой Петроградской конференции партии социалистов-революционеров, составляет «Политическую резолюцию» конференции. От имени конференции вме-

Песни мои (Н.Д. Кондратьеву)

Взвейтесь стрелою вы, песни мои!
Яркою молнией небо пронзите,
Черные тучи скорбей отгоните,
Громом промчитесь вы, песни мои!

Песни вы, песни крылатые, вещице!
Радостно-звонкие, мрачно-зловещие,
Отблески буйных порывов души...
Кто вас родил и вскормил и взлелеял?
Жизни могучей порыв вас посеял
В почве — безлюдной, в неизвестной глуши.

Снежные выюги напевы вам дали,
Ведьмы лесные слова нашептали,
Сказки же вам рассказали леса.
Будьте же нежны, как зовы свирели,
Будьте тревожны тревожной мятели,
Будьте светлы, как весной небеса...

Если вам грустно, — кукуйте кукушкой,
Свейтесь и слейтесь в печали друг с дружкой,
Плачьте слезами осенних ветров.
Если же весело, — смейтесь безбурно,
Солнцем весенним сияйте лазурно,
Ярко пылайте пожаром костров...

Взвейтесь стрелою вы, песни мои!
Пойте о жизни могучей, как солнце,
Светлым лучом проскользните в оконце
Бедной лачуги, где братья мои!

П. Сорокин

сте с С.П. Постниковым он подписывает приветствие Керенскому. Он редактор газет «Дело народа», «Воля народа». Член Особого совещания по созыву Учредительного собрания, председатель президиума конференции социалистов-революционеров семи северных губерний в Вологде. В мае Сорокин избран членом Исполкома Всероссийского совета крестьянских депутатов. Кондратьев участвует в подготовке и работе I Всероссийского съезда советов крестьянских депутатов, выступает на съезде с докладом по продовольственному вопросу.

25 мая — 4 июня Сорокин и Кондратьев — делегаты III съезда партии социалистов-революционеров в Москве. 26 мая Кондратьев выступает на съезде с поддержкой Временного правительства. Помимо напряженной работы над разрешением продовольственной проблемы Кондратьев активно участвует в деятельности Лиги аграрных реформ и Главного земельного комитета.

Резолюция схода студентов
Петербургского университета по поводу смерти
Толстого. 8 ноября 1910 г.

Студенты СПб. университета, глубоко потрясенные и опечаленные смертью великого писателя и мятельного духом мыслителя Льва Николаевича Толстого, свое горе сливают с горем России и всего мира. Вечно юный пылкий ум великого художника-моралиста не раз волновал человечество своей мыслью, отражавшей народные искания правды-справедливости. Непокорный и непожеженный в поединке со светским и церковным официальным миром, ушел он, оставив нам вечную память о своей борьбе с неправдой современного социального уклада и позорным явлением русской жизни — смертной казнью.

Студенчество Петербургского университета, со-бравшись на сходку по поводу кончины Л.Н. Толстого, полагает, что лучшим способом увековечить память Л.Н. Толстого будет отмена смертной казни.

Признать желательным устройство в стенах университета собраний для ознакомления широких народных масс с жизнью и деятельностью Л.Н. Толстого [5].

В июне 1917 г. Кондратьева избирают товарищем председателя Общероссийского продовольственного комитета — центрального органа Продовольственной комиссии Совета рабочих депутатов. 30 июля Сорокин — председатель губернского съезда партии социалистов-революционеров в Вологде. Кондратьев в августе во время выступления Л.Г. Корнилова от Исполкома Всероссийского совета крестьянских депутатов входит в Комитет народной борьбы с контрреволюцией. Выступает против созыва 20 октября II Всероссийского съезда советов рабочих и солдатских делегатов, так как считает, что он «грозит пройти под знаком большевизма и создать новые осложнения своей политикой захвата власти» [8]).

На Всероссийском демократическом совещании 14–22 сентября 1917 г. Сорокина и Кондратьева избирают во Временный совет Российской Республики (Предпарламент). 7 (20) октября 1917 г., непосредственно перед Октябрьским переворотом, Кондратьева назначают товарищем министра продовольствия Временного правительства.

«Жизнь в смерти» — так Сорокин назвал период, наступивший после Октябрьского переворота. События 25–26 октября Кондратьев и Сорокин восприняли как переворот, разрушительный по своим результатам. После прихода к власти большевиков они вступают в борьбу с ними. 25 октября Сорокин становится участником молчаливого шествия от здания Городской думы к Зимнему дворцу в знак протеста против большевистского переворота. Кондратьев участвует в работе подпольного Временного правительства, пытавшегося функционировать до 16 ноября. Он отказывается передать Советской власти продовольственное дело. 8 ноября «Воля народа» опубликовала его письмо в Исполком Всероссийского совета крестьянских депутатов, в кото-

ром он заявил, что возможность решения продовольственного вопроса «наступившей смутой выбита из рук... Разложение продовольственного аппарата, разрушение и расстройство телеграфа и железнодорожного транспорта ставит непреодолимые препятствия работе в области дела снабжения населения предметами первой необходимости. Вот уже две недели длится время полного бездействия... снимаю ответственность с себя и своих сотрудников за промедление в работе. Эта ответственность ложится исключительно на тех, кто вызвал гражданскую войну и споспсобствовал ей». Кондратьев — делегат II Всероссийского съезда советов крестьянских депутатов (26 ноября — 10 декабря). 4 декабря в числе 347 делегатов он покидает съезд и участвует в организации II Всероссийского съезда советов крестьянских депутатов, стоящих на защите Учредительного собрания (5–11 декабря). На этом съезде он делает доклад по продовольственному вопросу.

В ноябре 1917 г. Кондратьев и Сорокин избраны депутатами Всероссийского Учредительного собрания. Кондратьев — по списку партии социалистов-революционеров от Костромской губернии, Сорокин — по Вологодскому избирательному округу по списку № 1 (крестьянский). 26 ноя-

бря Сорокин на большом митинге Союза писателей в кинотеатре «Солейль» произносит речь в защиту свободы печати, 28 ноября у решетки Таврического сада выступает перед 10-тысячной демонстрацией, приветствующей депутатов Учредительного собрания. В декабре Сорокин — член комиссии «Первого дня» фракции партии социалистов-революционеров Учредительного собрания, 24 декабря — член бюро фракции партии социалистов-революционеров Учредительного собрания. Друзья — делегаты Учредительного собрания. 5 января 1918 г. Кондратьев принимает участие в единственном его заседании, разогнанном большевиками.

Действия Кондратьева и Сорокина после захвата власти большевиками обрекали их на суровые испытания. 2 января 1918 г. Сорокин арестован за «подготовку покушения на Ленина» и заключен в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. 23 февраля освобожден. В марте 1918 г., в дни, когда создавалось объединение народных социалистов, эсеров и кадетов, Сорокин и Кондратьев входят в состав «Союза возрождения России» (март 1918 г. — апрель 1919 г.). За участие в нем Сорокин приговаривается к расстрелу, замененному тюремным заключением. 7–16 мая он участвует в нелегальном VIII съезде партии социалистов-революционеров. В мае становится редактором газеты «Возрождение» в Москве. По заданию «Союза возрождения России» в июне — октябре руководит подготовкой восстания против большевиков в районе Великий Устюг — Котлас — Архангельск. 30 октября Сорокин в Великом Устюге сдался ЧК. Председатель Губчека В.И. Сорвачев намеривался его расстрелять, но Сорокин попросил разрешения послать телеграмму В.И. Ленину с раскаянием. Сорокин пишет

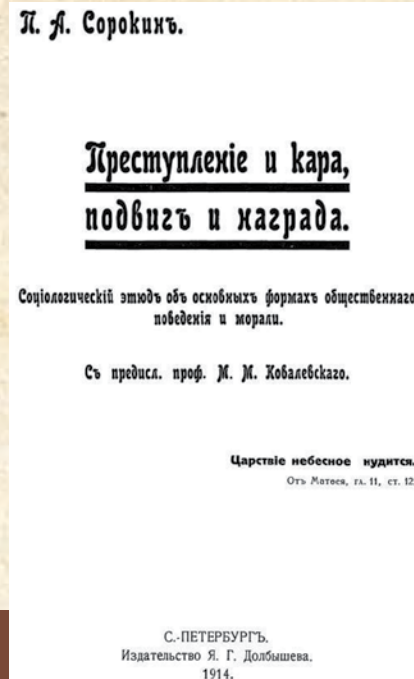
«Необыкновенные приключения Шамми»

письмо, опубликованное в ряде центральных газет, где констатирует фиаско эсеровской программы и заявляет о разрыве с партией и выходе из нее. В письме, перепечатанном «Правдой» 20 ноября 1918 г., П. Сорокин писал: «Истекший год революции научил меня одной истине — политики могут ошибаться, политика может быть общественно полезна, но может быть и общественно вредна, работа же в области науки и народного просвещения всегда полезна, всегда нужна народу, в особенности же в эпоху коренного переустройства государственной и общественной жизни». К этим словам мог бы присоединиться и Кондратьев, который также вышел из

**«Преступление и кара,
подвиг и награда»**

партии эсеров. 21 ноября в «Правде» опубликована статья В.И. Ленина «Ценные признания Питирима Сорокина», спасшая ученого. В декабре под конвоем Сорокин был привезен в Москву. Было не ясно, как сложится его судьба: расстрел, «показательный суд»? В.И. Ленин помиловал ученого. Отношения Ленин — Сорокин заслуживают особого исследования в контексте столкновения разных взглядов на общество, на пути его развития.

В 1918 г. Кондратьев переезжает из Петрограда в Москву и начинает преподавать в Кооперативном институте, университете Шанявского и Петровской (Тимирязевской) сельскохозяйственной академии, работает в Московском народном банке. В 1920 г. в 28 лет становится профессором академии и одним из основателей и первым директором Конъюнктурного института. Сорокин в конце 1918 г. возвращается в Петроград в I Петроградский университет, затем во II при Психоневрологическом институте. Он предлагает новую дисциплину «родиноведение», призванную синтезировать совокупные знания естественных и гуманитарных наук. В 1919 г. его

избирают вице-президентом Русского социологического общества им. Ковалевского.

После полного вытеснения эсеров из всех органов государственной власти большевиками Кондратьев вслед за Сорокиным в 1919 г. переходит к научной деятельности. Но за ним тянется эсеровский шлейф. В августе 1920 г. он проходит по делу «Союза возрождения России». Его арестовывают, но через месяц освобождают благодаря усилиям И.А. Теодоровича и А.В. Чаянова. В 1920–1923 гг. он работает в Наркомате земледелия начальником управления сельскохозяйственной экономии и политики и ученым специалистом, а также в сельскохозяйственной секции Госплана СССР.

Сорокин в Петрограде в 1920 г. активно работает как общественный деятель. 18 января объявлено его выступление на заседании Вольной философской ассоциации (Вольфила), посвященном 30-летию со дня смерти А.И. Герцена, 27 января объявлен отъезд в «ближайшие дни» в Витебск группы писателей и ученых для чтения лекций на литератур-

но-общественные темы. В составе группы кроме Сорокина А. Введенский, В. Водовозов, Ф. Сологуб, Л. Урванцев. 31 января Сорокин избирается профессором Петроградского университета. 8 февраля выступает в Вольфиле на заседании памяти П. Лаврова. 2 мая в Вольфиле диспут об Интернационале. Председатель диспута — Андрей Белый. В июне Сорокин выступил на двух дискуссиях в защиту свободы науки.

Сорокин избирается руководителем кафедры социологии при факультете обществознания Петроградского университета, полулегально публикует двухтомную «Систему социологии», ставшую венцом его научного творчества русского периода. Но Сорокин не прекращает своей борьбы против большевиков. 20 сентября он произносит антибольшевистскую речь на обеде в честь Г. Уэллса в «Доме искусств». Власть предпринимает попытку ареста, но он скрывается и нелегально живет в Царском Селе.

В 1921 г. Сорокин участвует в первом собрании организационного бюро по созыву первого Всероссийского философского съезда. Съезд не состоялся. 13 октября на заседании Вольфила делает доклад «Достоевский как социолог», участвует в создании Общества изучения объективного поведения (почетный председатель — академик И. Павлов, действующий председатель — П. Сорокин). Лишен права преподавать в университете. Зимой он отправляется в трехнедельную поездку в Тамбовскую, Самарскую, Саратовскую губернии для научного изучения массового голода. Он писал впоследствии: «...память об услышанном и увиденном там сделала меня совершенно бесстрашным в борьбе с революцией и чудовищами, губившими Россию» [9].

В 1922 г. вместе с О. Мандельштамом и П. Орешиним Сорокин отвечает на вопросы анкеты «О самоопределении мыслящих

людей нашего времени». 21 февраля произносит антибольшевистскую речь на собрании в здании бывшего Дворянского собрания в честь 103-й годовщины Петербургского университета. Весной получает приглашение от Э. Хейса приехать в США для чтения лекций в Иллинойском университете. В марте в журнале «Под знаменем марксизма» опубликована статья Ленина с резкой критикой Сорокина. 22 апреля в совете Исторического института в Физической аудитории Петроградского университета при большом стечении студентов и именитых ученых был устроен открытый диспут по поводу выхода в свет «Системы социологии» Сорокина. На нем выступили крупнейшие общественеды того времени, среди которых были Н.И. Кареев, К.М. Тахтарев, И.М. Гревс, И.И. Лапшин, С.И. Тхоржевский, Н.А. Градескул. Все без исключения выступавшие назвали книгу выдающимся достижением русской социологической школы. Сорокин единогласно признан достойным звания профессора социологии. В июне Сорокин получает приглашение от Ф. Козентини выступить с докладом о русской революции на социалистическом конгрессе в Вене (1–20 октября). По приглашению Кондратьева 10 августа 1922 г. Сорокин на несколько дней прибывает из Петрограда в Москву. Другим не привелось встретиться. В тот день Бердяев,

Осоргин, Пешехонов, Ясинский, Кондратьев, более сотни крупнейших представителей творческой мысли Москвы оказались за решеткой. Арестованы были и многие сотни студентов. Несколько днями позже аналогичные аресты были произведены в Петрограде. «Посещали» работники ЧК и апартаменты профессора Сорокина, но, по счастью, он в то время все еще скрывался в Москве. В сентябре в типографии уничтожили тираж книги Сорокина «Голод как фактор».

Власть объявила войну инакомыслию. 17 июля 1922 г. в письме к Сталину Ленин пишет: «Комиссия... должна представить списки, и надо бы несколько сот подобных господ выслать за границу безжалостно. Очистить Россию надолго... Всех их — вон из России. Арестовать несколько сот и без объявления мотивов — выезжайте, господа!» 23 сентября 1922 г. поездом Москва — Рига 33-летний Сорокин и его жена Елена Петровна Баратынская покидают страну, навсегда уезжая из Советской России. Мысль о России никогда не покидала Сорокина.

На годы нэпа пришелся расцвет научной, преподавательской и государственной деятельности Кондратьева, он переводит Конъюнктурный институт из Тимирязевской академии в Наркомфин, работает в Плановой ко-

миссии Наркомзема и в Земплане, преподает в вузах, пишет научные работы, выступает в дискуссиях.

В 1924 г. Кондратьев совершает научную поездку за рубеж — в США, Великобританию, Канаду, Германию. Цель поездки — изучение организации сельскохозяйственного производства в развитых капиталистических странах, знакомство с методами воздействия на него со стороны государства, выяснение тенденций развития сельского хозяйства в отдельных странах, оценка ситуации на мировом рынке сельскохозяйственной продукции, возможных изменений позиций стран-экспортеров с точки зрения перспектив, открывающихся для СССР. Тогда Сорокин предложил другу остаться в Америке. Предполагалось, что он возглавит университетскую кафедру. Кондратьев отказывается. Он был увлечен открывшимися перед ним незадолго до того возможностями научной и хозяйственно-организационной работы в России. До рождения дочери оставался год, до его увольнения из Конъюнктурного института — четыре года, до его ареста и последнего заключения — шесть лет. Конечно, если бы Кондратьев и его жена реально оценили сущность сталинского вождизма и приняли тогда предложение Сорокина, они бы избежали немислимых мучений (Кондратьева пытали по личному указанию Сталина, как стало известно из опубликованной сейчас переписки Сталина с Аграновым), а сам Кондратьев — и расстрелял. В Америке, возможно, Кондратьев бы закончил построение своей системы, из которой мы знаем только фрагменты — основная часть писавшейся в тюрьме большой книги до нас не дошла. Но есть основания полагать, что возможна реконструкция последней работы Н.Д. Кондратьева.

Великая Октябрьская социалистическая революция. 1917 г.

По возвращении из-за границы Кондратьев продолжил активно работать в области планирования. В это время внедрялись перспективные и текущие планы развития народного хозяйства. Кондратьев руководил разработкой Первого перспективного плана развития сельского хозяйства РСФСР.

Под его руководством был разработан перспективный план развития сельского и лесного хозяйства РСФСР на 1923–1928 гг. (сельскохозяйственная пятилетка Кондратьева), основанный на принципе сочетания плановых и рыночных начал. Кондратьев считал, что эффективный аграрный сектор способен обеспечить подъем всей экономики, включая промышленность. Поэтому предложенная им концепция планирования предполагала сбалансированный и одновременный подъем как промышленного, так и аграрного сектора. Еще весной 1923 г. по поручению коллегии Наркомата земледелия в Плановой комиссии Наркомзема и в Земплане начались работы по подготовке перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства СССР. Их возглавлял начальник Земплана И.А. Теодорович при активном участии Кондратьева (руководившего отделом сельскохозяйственной экономики и статистики Управления сельского хозяйства) и Н.П. Огановского (заведовавшего в то время отделом статистики того же управления). В январе 1924 г. они представили содоклады, отражавшие принятую Земпланом концепцию перспективного плана. Тогда же Кондратьев представил эти материалы на сельскохозяйственной секции Госплана, где они были одобрены. На базе докладов Кондратьева и Огановского были разработаны «Основы перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства», которые как проект Земплана обсуждались на заседании Президиума Госплана в июле 1925 г. и получили в целом положительную оценку.

Если бы не было Кондратьева и составленного им плана развития сельского и лесного хозяйства, осуществленного в 1924–1928 гг., российская деревня не знала бы короткой передышки, без которой совсем непереносим был бы ужас коллективизации и разорения в военные годы. Кондратьевский план воссоздания крестьянства, которое обнищало за время Гражданской войны, еще должен быть оценен по достоинству. Увидев одним из первых и описав уже в статьях 1918 г., как большевики ведут Россию к голоду, Кондратьев попытался сделать все, чтобы заставить власть с этой до-

Кондратьевский план воссоздания крестьянства, которое обнищало за время Гражданской войны, еще должен быть оценен по достоинству.

роги свернуть. И на несколько лет сумел этого добиться. По мнению Кондратьева, государство может и должно воздействовать на народное хозяйство с помощью планирования. Кондратьева следует считать родоначальником теории и практики индикативного (рекомендательного) планирования, внедренного в послевоенные десятилетия по настоянию кейнсианцев практически во всех развитых странах Запада.

Ученый в эти годы находился в гуще плановой и научной работы, в центре возникших дискуссий. В 1925 г. он публикует работу «Большие циклы конъюнктуры», которая сразу вызывает дискуссии сначала в СССР, а затем и за границей. Главным теоретическим достижением Кондратьева явилась построенная и обоснованная им за годы работы в Конъюнктурном институте (1920–1928 гг.) теория циклов в экономическом, социальном и культурном развитии капиталистических стран. Работу в этом направлении Кондратьев начал 90 лет назад — в 1919–1920 гг. и уже в 1922 г. опубликовал первый эскиз теории, которую

потом продолжал развивать вопреки возражениям такого критика, как Л.Д. Троцкий. Позже Г.Е. Зиновьев начал журнальную травлю Кондратьева. В ней не было даже намека на научную полемику: она шла в жанре доноса. Советская партийная верхушка при всей грызне между «вождями» была едина в отношении к ученому. Исключение составляли М.И. Калинин, которого И.В. Сталин шантажировал, ссылаясь на его связи с Кондратьевым, и Н.И. Бухарин, поддержавший некоторые научные инициативы Кондратьева и потом обвиненный в политическом союзе с ним.

В 1926–1927 гг. Кондратьев пытается отстоять свою позицию на страницах экономических журналов, с трибуны совещаний (широкий резонанс имели его выступления в Коммунистической академии в ноябре 1926 г. в связи с разработкой законопроекта «Об основных началах землепользования и землеустройства» и доклад в Институте экономики РАНИОН в марте 1927 г.), а также в докладной записке в ЦК «Задачи в области сельского хозяйства в связи с развитием народного хозяйства и его индустриализацией». Докладная записка в ЦК послужила поводом к появлению в журнале «Большевик» (1927, № 13) статьи Г.Е. Зиновьева «Манифест кулацкой партии», содержащей политическую и идеологическую оценки позиции Кондратьева и его сторонников и во многом определившей направление и характер будущих выступлений против Кондратьева и других специалистов. Научные позиции Чаянова и Кондратьева подвергаются резкой критике на самом высоком уровне. Г.Е. Зиновьев называет концепцию сельскохозяйственного развития

«манифестом кулацкой партии». После выступления И.В. Сталина на конференции аграрников-марксистов термины «чаяновщина» и «кондратьевщина» становятся символами вредительства. В 1928 г. Кондратьева отстраняют от руководства Конъюнктурным институтом.

Показательна дружба Сорокина и Кондратьева. Руку дружбы Кондратьеву протягивали В.В. Осинский, Г.Я. Сокольников, Б.Г. Бажанов, чудеса женской верности проявила Е.Д. Кондратьева. В отличие от них человек власти Н.И. Бухарин, чьи взгляды были близки кондратьевским, не проявил желания поддержать Кондратьева, пойти навстречу. Возможный союз не состоялся. И профессор Кондратьев был выброшен из научной жизни страны раньше академика Бухарина, которого тоже не обошла трагическая судьба.

Социальный заказ своего времени, как любили говорить в ту пору, — разработать реальную программу преобразований в стране — Кондратьев принял и выполнил. Но те, кто стоял у кормила власти, оказались не способны внять кондратьевским прогнозам. На одной стороне был трезвый научный анализ экономических явлений с точки зрения их становления и естественного развития, на другой — убежденность в том, что «нет таких крепостей...». С одной стороны, план-прогноз, с другой — план-приказ. С одной стороны — трезвый ум и расчет, с другой — горячее стремление во что бы то ни стало, кратчайшим путем достичь желанного финиша, которое все быстрее раскручивало тяжелый маховик сталинской индустриализации.

В начале марта 1930 г. Сорокин получает письмо Кондратьева, нелегально вывезенное в Финляндию и отправленное оттуда. В письме С. Харперу Сорокин приводит отрывок из письма Кондратьева: «Я поставлен в безвыходное положение. Разверты-

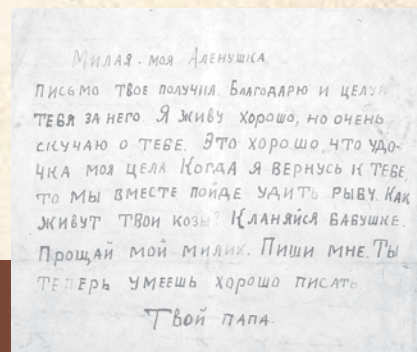
вается волна невиданных преследований. В деревне террор и ужас. В городах насилие и издевательство; от интеллигенции требуют публичного покаяния, отказа от всех своих взглядов, раболепства и т.д. Кругом паника. Быстро растут самоубийства. Большин-

**«Вложенное» письмо
Н.Д. Кондратьева дочери Елене.
1932 г. [2]**

ство сдается. Отказывающихся единицы, и участь их ужасна. Я в числе их, и мое положение ужаснее, чем чье-либо иное. Сейчас лишили меня всякой работы. В наших условиях это голая смерть. В ближайшем будущем, если я не сдамся, будет неизмеримо хуже. Что именно, я не знаю, но может быть все, что угодно, решительно все, что угодно... Хочу надеяться, что ты поймешь меня, бросишь все и сделаешь все, что только в силах человека. Речь идет буквально о моем физическом и моральном спасении».

Сорокин сразу начинает действовать. Он пишет письма профессору Чикагского университета Самуэлю Харперу, имевшему дело с властями США и хорошо знавшему и часто посещавшему Россию. В нем он приводит процитированный отрывок из письма Кондратьева с пояснением: «Его положение действительно отчаянное, и письмо — это настоящий сигнал бедствия ко всем его друзьям». Сорокин развил кипучую деятельность в США. В начале 1930 г. Самуэль Харпер приехал в Москву и несколько раз встречался с Кондратьевым. В своих воспоминаниях С. Харпер писал: «Однажды вечером мы пришли на заранее обусловленную встречу. На наш звонок открыли агенты ГПУ и взволнованная жена. Кондратьев, наконец, был арестован» [Пер. с англ. Ю.В. Дайкова; 10].

В тюрьме ученый продолжал писать. Были созданы: рукопись, написанная в Бутырской тюрьме, суздальские письма, романс для

жены и сказка для дочери. Сохранившееся эпистолярное наследие свидетельствует о том, что он духовно не был сломлен.

Символом дружбы Сорокина и Кондратьева стали попытка Сорокина вызволить Кондратьева из советской России и переправить его в Америку и попытка Кондратьева ввести образ Питирима Сорокина в сказку о Шамми.

Участь Сорокина и Кондратьева, секретарей А.Ф. Керенского после Октябрьского переворота, решали Ленин, Троцкий, Сталин, Дзержинский. Приговор о расстреле Кондратьева после восьми лет заключения подписали Сталин и Молотов.

Стоит заметить, что обстоятельства жизни Н.Д. Кондратьева после истечения срока приговора 1931 г. и до расстрела заслуживают особого исследования.

Судьба трудов по социологии П. Сорокина на родине. В 1930-е годы в СССР было объявлено: «Социология — наука об общих законах развития общества. С этой точки зрения марксистской социологией является исторический материализм» [11].

Судьбы социологов — современников Сорокина. И.А. Ильин, Л.И. Пертражицкий, П.Б. Струве эмигрировали. К.М. Тахтарев, А.С. Звоницкая «ушли» во внутреннюю эмиграцию.

Судьба пятилетки Кондратьева и кондратьевских цик-

лов. «Пятилетка Кондратьева» осталась в анналах истории. На финише научной проблемы мы увидели конец объективному исследованию экономических процессов — «плана и предвидения», «длинных волн Кондратьева». Кондратьевские циклы активно исследовались на Западе и возродились как научная тема в России после реабилитации ученого.

Судьбы современников Кондратьева, разрабатывавших теорию длинных волн и причастных к научной и политической борьбе 1920-х годов.

Были репрессированы и ликвидированы.

Н.И. Бухарин, Г.Е. Зиновьев, Г.В. Громан, Д.Б. Рязанов, А.В. Чаянов, Л.Н. Юровский расстреляны в ГУЛАГе (1936–1938).

Л.Д. Троцкий убит в Мексике (1940).

А.Л. Вайнштейн, Я.П. Герчук, С.А. Первушин, Н.С. Четвериков осуждены и отправлены в ссылку. Прекратили исследования «длинных волн».

М.В. Игнатъев, А.А. Конюс, Д.И. Опарин, Е.Е. Слуцкий остались живы,

но прекратили исследования «длинных волн».

Так окончилась яростная борьба идей и людей. Партийные интеллигенты у власти отвесили по 9 граммов свинца, выслали из Москвы или посадили за монастырские стены интеллигентов из научной среды. Перевод жизни и науки на административно-командные рельсы завел гуманитарные науки в тупик административного управления. Судьба ученых, социологов и длинноволновиков дает новой власти и народу материал для осмысления путей развития науки и информации.

Ныне в России идет восстановление подлинной истории нашей державы, на события которой в XX в. наложен трудносмыслемый большевистский слой фальсификаций. Идет очищение от чудовищных искажений истины, восстановление облика людей, сущности их идей и меры участия в делах родины. В повседневную жизнь шаг за шагом, публикация за публикацией возвращается подлинная история страны. Судьбы Кондратьева и Сорокина, события их жизни в этом процессе играют свою исключительную роль. ■

ПЭС 13081/01.04.2013

Литература

1. Мясоедов Б.А. Безумно жаль растрачиваемых сил, уходящего времени... // Книжное обозрение. 1989. № 11.
2. Кондратьев Н.Д. Сказка о Шамми и письма к Аленушке из суздальской тюрьмы / Агеев А.И., Мясоедов Б.А. Материалы, очерки, композиции и комментарии. М.: Институт экономических стратегий, Международный институт Питирима Сорокина — Николая Кондратьева, 2013. 224 с.
3. Сорокин П. Пережитки анимизма у зырян // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1910. № 12 (15 июня).
4. Анциферов Н.П. Из дум о былом: Воспоминания. М., 1992. С. 183–185.
5. ЦГИАМ, ф. Колл. нелег. изд., № 22876. Копии, изъятые при обыске у студента М. Мясоедова.
6. ЦГИА СССР. Ф. 733. Оп. 201. Ед. хр. 206. Л. 23.
7. Круглова З.С. Студенческая забастовка 1911 года // Ученые записки Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской: История СССР. Т. 135. Вып. 8. М., 1964.
8. Дело народа. 1917 (5 октября).
9. Сорокин П. Дальняя дорога. М.: Терра, 1992. С. 140.
10. Социологические исследования. 1996. № 1. С. 131–132.
11. Ищенко Т. Краткий философский словарь. М., 1931. С. 166.

Письмо Джону Кеннеди
П.А. Сорокин — Д.Ф. Кеннеди [англ., печ.]
23 мая 1961 г.

Уважаемому Джону Фицджеральду Кеннеди
Президенту Соединенных Штатов
Хаянис, Массачусетс

Уважаемый господин Президент!

Возможно, ни это письмо, ни репринт моей работы не дойдут до Вас, но кто-нибудь из Ваших советников прочтает их и передаст основные результаты моих исследований. Вследствие моего русского происхождения, личного опыта и борьбы с Лениным, Троцким и другими коммунистическими лидерами я, возможно, понимаю международные отношения между Соединенными Штатами и СССР в чем-то даже лучше, чем большинство Ваших экспертов, у которых нет ни такого опыта, ни знания коммунистических лидеров.

По моему глубокому убеждению, как это видно из моей статьи, в настоящее время нет никаких рациональных причин для продолжения «холодной» и подготовки «горячей» войны между двумя странами. До тех пор, пока нынешние отношения не сменятся по-настоящему дружественными, ни одну из важных международных проблем нельзя будет разрешить успешно и нельзя будет предотвратить опасность взрыва новой войны.

Я прекрасно понимаю все сложности, которые мешают установлению по-настоящему дружественных отношений между великими нациями; но я верю, что когда есть искреннее желание, то такие отношения могут быть успешно созданы и, с их установлением, все другие проблемы мировой политики будут решаться на пользу нашей стране и всему человечеству.

С уважением Ваш, Питирим А. Сорокин